

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-73-94

**Концепт *МИР* в языке авангардной поэзии
и советской агитации**

Ольга Викторовна Соколова

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

olga.sokolova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4399-0094>

Аннотация

Исследуются семантические и прагматические особенности функционирования концепта *МИР* на материале текстов авангардной литературы и советской агитации. Такие ключевые черты авангардной поэзии как установка на создание нового художественного языка с помощью революционизации языковых норм, легли в основу актуализации полисемии слова *мир*. Отдельный фокус исследования направлен на историю формирования советского лозунга *Миру – мир*. Хотя среди источников лозунга выделяются православные молитвы и классические тексты, одним из первых в эллиптической форме лозунга-призыва эту идею выразил В. Маяковский, придав ей побудительное значение: *Миру – мир, война – войне*. Дальнейшее изменение прагматического функционирования лозунга связано с клишированием единицы, которая становится частью советского политического дискурса и утрачивает заложенное в авангардном поэтическом высказывании активное воздействие на адресата.

Ключевые слова

полисемия, неологизация, перформативность, иллокутивная сила, поэтический авангард, советский политический дискурс

© Соколова О. В., 2023

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН

Для цитирования

Соколова О. В. Концепт *МИР* в языке авангардной поэзии и советской агитации // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 73–94. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-73-94

Concept of *PEACE* in Language of Avant-Garde Poetry and Soviet Propaganda

Olga V. Sokolova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

olga.sokolova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4399-0094>

Abstract

The article explores the semantic and pragmatic features of the concept of *PEACE* functioning in case of Avant-garde poetry and Soviet propaganda. Such key features of Avant-garde poetry as the creation of a new artistic language with the help of the revolutionization of language norms underlies the polysemy actualization of the word *peace*. A special focus of the study dwells on the history of the Soviet slogan *Peace to the world*. Although Orthodox prayers and classical texts stand out among the sources of the slogan, Mayakovsky was one of the first to express this idea in the elliptical form of the slogan-appeal, giving it a motivating meaning: *Peace to the world, war to the war*. A further change in pragmatic functioning is associated with the cliché of the slogan, which becomes part of the Soviet political discourse and loses the polysemy and active influence on the addressee inherent in the Avant-garde poetic statement.

Keywords

polysemy, neologization, performativity, illocutionary force, poetic Avant-garde, Soviet political discourse

Acknowledgements

The research is funded by grant № 19-18-00040 of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

For citation

Sokolova O. V. Concept of *PEACE* in Language of Avant-Garde Poetry and Soviet Propaganda. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 2, pp. 73–94. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-73-94

Миру – мир, война – войне.

В. Маяковский. «Пролетарий,
в зародыше задуши войну» (1924)

Осмывая глубинные процессы концептуализации действительности в языке, Н. Д. Арутюнова утверждает: «Концепты дискретны, мир континуален. Его членение не может в точности соответствовать системе понятий. Многие объекты и ситуации подводимы под разные концепты, к некоторым не подходит ни один. Таковы объекты, лежащие на границе разных понятийных полей. Для их обозначения язык либо вырабатывает слова с неотчетливым смыслом, либо прибегает к словам, взятым из соседствующих ареалов» [1999, с. 293]. Одним из таких концептов стало слово *мир*, которое в современном русском языке представлено омонимичной парой: 1) ‘вселенная’ и 2) ‘покой, отсутствие войны, ссоры’.

Однако, как подчеркивает Ю. С. Степанов, «все эти различия возникают, в разных последовательностях и в разных сцеплениях одно с другим, довольно поздно», «вообще же, соединение двух рядов представлений – “вселенная, внешний мир” и “согласие между людьми, мирная жизнь” – в одном исходном концепте постоянно встречается в культуре, это одна из констант культуры» [2004, с. 86]. Осмысляя понятие мира в сопоставлении с понятием воли, А. Д. Шмелев подчеркивает сближение трех значений в слове *мир*: «Вселенная может рассматриваться как “миропорядок”, противопоставленный хаосу, *космос*. Отсутствие войны также связано с гармонией во взаимоотношениях между народами. Образцом гармонии и порядка, как они представлены в русском языке, могла считаться сельская община, которая так и называлась – *мир*» [2003, с. 56].

***Мир* в авангардной поэзии**

Далее мы рассмотрим семантические и прагматические особенности функционирования концепта *МИР* на материале текстов авангардной литературы и советской агитации. Такие ключевые черты авангардной поэзии, как установка на создание нового художественного языка с помощью революционизации языковых норм, а также преодоление границ между

искусством и действительностью, легли в основу концептуализации понятий *война*¹ и *мир*.

Можно выделить несколько способов их поэтического осмысления. Во-первых, сближение-противопоставление антонимичных понятий в раннем футуризме: название поэмы В. Маяковского «Война и мир»², *Миру – мир, война – войне* (Маяковский). Другая антонимическая оппозиция: *мир* как 'вселенная, отрезок времени' и *конец* в значении 'последний момент чего-л. протекающего во времени (например, *конец года*)'. Это противопоставление выражается с помощью идеи мира как конечной системы, относящейся к прошлому, которая разрушается футуризмом как искусством будущего: *все хорошо, что хорошо начинается / и не имеет конца / мир погибнет а нам нет / конца!* (*Занавес*) (здесь и далее полужирный шрифт мой. – О. С.) (опера «Победа над солнцем» А. Крученых, 1913); *Мир кончился. Умерли трубы <...> Мир разокончился... Убраны ложки* (Крученых, 1913).

Экспериментальное сближение антонимов выражалось в том числе в их сложении и образовании неологизмов, концептуально нагруженных и имевших программное значение для кубофутуристов. Например, неологизм *мирсконца* (название пьесы Хлебникова, 1912), в котором была выражена идея обратного закона времени и преодоления конечности мира с помощью нового искусства. Более поздний неологизм *конмир* (название стихотворения Крученых из сборника «Голодняк», 1921), образованный с помощью словосложения и усечения «кон<ец> + мир», был создан в период Гражданской войны. Он выражал противоположную идею: конечность мира понимается не как точка отсчета нового времени, а как его завершение, крах, что развивается далее в самом тексте: *Вселенная погибель* (выделено Алексеем Крученых); *Вчера / в 1 1/2 минуты по полудни / Мир скончался на моих руках* (выделено Алексеем Крученых). При этом подчеркивается физиологическая смерть мира:

От кислого газа
вся тварь приуныла...
Жестянкою сердца
перед кончиной

¹ О концептуализации понятия *война* в итальянском футуризме, русском кубофутуризме и британском вортицизме см. [Соколова, 2019].

² В дореформенной графике *мир* в названии поэмы писалось через *и* десятиричное: «Война и Миръ» (1915–1916).

пели консервы:
– несчастны слабы мы,
помилуй помилуй
спаси нас
Христос – автомат!..
Но глухо завинчен
Сухой оцинкованный рот...
[Крученых, 2001, с. 135–136].

Понятию мира в русском авангарде наибольшее внимание уделял Хлебников. Это слово стало мотивирующей основой множества неологизмов, широко представленных в «Словаре неологизмов Велимира Хлебникова», составленного Н. Н. Перцовой. В комментарии к «Гнездовому словарю неологизмов» Н. Н. Перцова пишет, что имена собственные с правой основой *мир-* (которые писались в старой орфографии через *и*) соотносятся по смыслу не только со словом *миръ* 'покой', но и со словом *миръ* 'вселенная', а также 'слава'. Такое наложение значений встречается уже в «Славянском именованном» (1867), который Хлебников знал [Перцова, 1995, с. 440].

Как отмечает А. Б. Шишкин, хотя поэт писал свое имя (псевдоним) через *и* десятиричное *Велимиръ*, многие образованные по той же модели имена-неологизмы в его словаре пишутся через *и* восьмеричное: *Будимир*, *Вселеномир*, *Ладомир*, *Ястмир* и др. [Шишкин, 1996]. Более того, установка авангардистов на синкретичную полисемию (термин Т. Б. Радбиля [2017, с. 59]) дает основания интерпретировать неологизмы Хлебникова в обоих значениях.

Можно выделить следующие окказиональные семантические расширения слова *мир* у Хлебникова: идея «одушевления» мира; включение мира в сферу дейксиса, его «эгоцентризация» и сближение значения мира и меры. Идея «одушевления» мира возникает в раннем творчестве поэта. В 1908 г., когда Хлебников начинает употреблять псевдоним *Велимир*, он пишет стихи, позволяющие раскрыть значение имени, где *мир* меняет семантическую роль: из «инструмента» как неодушевленного объекта, т. е. пассивного пространства, в границах которого осуществляется действие – проживание в нем обитателей-людей, *мир* меняет статус. Употребление его с глаголом желания *хотеть* меняет роль *мира*, который начинает функционировать как «агенса», инициатор действия, контролирующий его. Таким образом, мир у Хлебникова «одушевляется», т. е. наделяется потенциальной способностью быть инициатором действий, в том числе речевых

(в зависимости от того, какой предикат может быть употреблен с глаголом *хотел*): *Думалом волилом я мир озарил / И пляскою вязкою жир окружил* (1906–1908).

И я свирел в свою свирель.

И мир хотел в свою хотелъ.

Мне послушные свивались звезды в плавный кружеток.

Я свирел в свою свирель, выполняя мира рок

(1907)

[Хлебников, 2000, с. 51].

Актуализация прагматического значения происходит в неологизме *Я-Мир* (из текста «Юноша Я-Мир»):

Я клетка волоса или ума большого человека, которому имя – Россия.

Разве я не горд этим?

Он дышит, этот человек, и смотрит, он шевелит своими костями, когда толпы мне подобных кричат «долой» или «ура».

Старый Рим, как муж, наклонился над смутной темной женственностью Севера и кинул свои семена в молодое женственное тело.

Разве я виноват, что во мне костяк римлянина?

Побеждать, завое<вы>вать, владеть и подчиняться – вот завет моей старой крови (1907) [Хлебников, 2004, с. 10].

Р. В. Дуганов [1990] отмечает, что соединение обоих значений *мира* – пространства (*Я клетка волоса или ума большого человека, которому имя – Россия*) и покоя (*Побеждать, завое<вы>вать, владеть и подчиняться – вот завет моей старой крови*), а также наложение противоположных значений – мира внешнего и внутреннего, коллективного и индивидуального, приводит не к усложнению этого понятия, а напротив, дает его новое и простое восприятие.

Кроме того, сочетание полнозначного слова с маркером персонального дейксиса приводит к вовлечению *мира* в сферу эгоцентрических слов, что делает его частью дейктического центра. *Мир* помимо лексического значения наделяется прагматическими функциями и индивидуальной референцией, создаваемой в каждом коммуникативном акте.

Среди различных окказиональных значений *мира* выделим еще одно, основанное на «внутреннем склонении» слова (поэтический прием Хлебникова), т. е. паронимической аттракции слов *мир* и *мера*, которое позволяет расширить понимание мира как ‘единицы измерения, определённого эталонного количества’: «Время **мера мира**» (название статьи); *мышление*

посредством слова <есть> малосовершенное **измерение** мира (Время мера мира, 1914–1915); *создать язык – подобие доломерия Лобачевского, этой тени чужих миров* (Курган Святогора, 1908). Это подтверждается и наличием вариантов *замірное – замерное* в текстах Хлебникова: <Замірное> *Замерное безмерным полня; варианты: бегущей тучи, Замірное – Мирсконца* (цит. по: [Перцова, 1995, с. 150]).

Данные «Словаря неологизмов Велимира Хлебникова» под редакцией Н. Н. Перцовой [1995] позволяют выделить большое количество неологизмов с основной *мир* как одной из наиболее продуктивных для словотворчества поэта. Можно выделить следующие группы неологизмов:

1) существительные, образованные с помощью словосложения, которые формально напоминают имена собственные: *Ладомир – Ладимирь, Будимир, Вселеномир, Березомир, Всемир, Очимир, теломир, Трудомир, Ястмир, Миролуб* (варианты: *миролюбица – миролюбийца*), *Миристель, Мирович, Миродел, Миромах* и др.;

2) другие слова, образованные с помощью словосложения: *Я-Мир, миро-число, миролов, первомирельщик, мироось, миропахарь, миропись, мирятник, мирвезжий*, в том числе образованные с помощью контаминации: *мирожок* и др.;

3) образованные суффиксальным способом: *мирина, мирень, мирязь, миратый, мирач* и др.;

4) образованные приставочным и приставочно-суффиксальным способом: *сомир, сомиренец, омирелый, омиралый, безмирный, мироперый, домирный, внемирный, сверхмирный, тихомирить, миристеть, мирнуть* и др.

В авангардистских текстах 1920-х гг. получает развитие семантическое сближение мира как пространства – земного шара, и мира после войны, а также актуализируется идея мира как нового общественного строя, что выражается в сочетаниях с атрибутивными компонентами *новый* и притяжательным местоимением *наш*: *В новый мир!* (Маяковский), *Мир наш, мир наш* (С. Третьяков), в предикативной конструкции *Электрификация, смык, тренаж. / плюс / Мы хотим, чтоб мир стал наш* (Третьяков) или в неологической форме: *Уйти на револ-пропаганду / За пролеткультурную – мир-наш / Цамбай – цамбай* (В. Каменский).

Появляется атрибутивное сочетание **Советский мир**, вошедшее в советский политический дискурс после Второй мировой войны: *В общице стань, крестьянка, ряды, крепи Советский мир!* (Маяковский). Уже в поэзии раннесоветского авангарда возникает идея строительства нового Со-

ветского мира, которая получила развитие в агитации. Авторы Лефа (Н. Чужак, С. Третьяков и др.) формируют концепцию жизнестроительства, основанную на повышении действенности поэтического языка, способного не только воздействовать на реальность, но и формировать новый мир. Идея жизнестроения реализуется в разных формах концептуализации мира, который разрушается и строится с помощью нового слова: *Если горло стало горном, / день – расплавленным глотком, / надо выть огнеупорным, / мир тревожащим гудком* (Н. Асеев, 1923)

Строительство нового мира неразрывно связано с разрушением старого и разделением адресатов на «своих» и «чужих»³. Это выражалось с помощью идеи о расколе мира надвое: *Когда же мир расколется, / Рванет команда: в строй!* (Третьяков), а также с помощью противопоставления старого и нового миров, что было особенно распространено в рекламно-агитационных текстах: *Нами / оставляются / от старого мира / только – / папирсы «Ира»* (Маяковский); *Старый банк – нажива банкиру. / Наши – помощь рабочему миру* (Маяковский).

Установку на активизацию полисемии в слове *мир* можно проиллюстрировать на примере текста «Издательство летчика» (1923) Маяковского: *Тесно у вас, / грязно у вас. / У вас / душно. / Чего ж / в этом грязном, / в тесном уяз? / В новый мир! / Завоюй воздушный <...> Будь аэрокрылым – / и станет / у вас / мир, / которому / короток глаз, / все стены / которого / в ветрах развоздушены*. Здесь обыгрываются следующие значения *мира*: (1) *новый, воздушный мир* как новое пространство для жизни, которое предлагается освоить и которое противопоставляется *грязному, тесному миру*, и (2) *мир* как отвоеванное пространство для жизни: императив *завоюй* вводит противопоставление войны и мира, давая возможность интерпретировать мир как прекращение войны и покой.

Иллокутивная сила лозунга *миру – мир*

Отдельного внимания заслуживает советский лозунг *Миру – мир*. Среди источников лозунга К. В. Душенко [2005] выделяет православные молитвы (*Мир мірови Твоєму даруй* и др.) и тексты классической поэзии: *Вот тот летит, что, строя лиру, / Языком сердца говорил / И, проповедуя мир*

³ Подробнее о концептуальной оппозиции *свои* и *чужие*, тесно связанной с концептом *МИР*, см. [Степанов, 2004, с. 126–143].

миру, / *Себя всех счастьем веселил* (Г. Державин. «Лебедь», 1795). Этот лозунг входит в политический и поэтический дискурсы в период революции и Гражданской войны. Д. Бедный в поэме «Про землю, про волю, про рабочую долю» формулирует эту идею в словосочетании с предлогом *для*: *Мир для мира – это враки*. / *Мир бывает после драки* (1920). На Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже 23 апреля 1949 г. И. Эренбург закончил свое выступление этим призывом: *Советский писатель, представитель народа, на который клеветают враги – наши и ваши – враги человечества, я закончу теми словами, которые у каждого в сердце: мир миру* [Эренбург, 1949, с. 4]. В 1950-е гг. лозунг утвердился в советской агитации в форме *Миру – мир!*

Однако впервые в эллиптической форме лозунга-призыва эту идею выразил Маяковский, придав ей побудительное значение в стихотворении «Пролетарий, в зародыше задуши войну!»: *Миру – мир, война – войне* (1924). Данный лозунг выражен в форме эллиптического предложения с нулевым сказуемым. Такие конструкции могут нести побудительную функцию и часто употребляются в лозунгах-призывах, построенных по разным схемам. В частности, по схеме: “кому – что”: *Миру – мир!* Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «безглагольность напоминает о языке плаката и рекламы с его энергичной интонацией» [1999, с. 487].

Таким образом, несмотря на лексически невыраженное глагольное сказуемое, прагматически этот лозунг обладает директивной иллокутивной силой, которая «состоит в том, чтобы попытаться заставить кого-то другого (других) сделать нечто» [Сёрль, Вандервекен, 1986, с. 252]. Более того, учитывая специфику коммуникативной ситуации, которая связана не с прямым обращением говорящего к слушающему с целью побудить его к действию, а представляет собой дистанцированное обращение обобщенного субъекта к массовому адресату в форме агитации, средства воздействия здесь варьируются. Вместо употребления директивов типа *предписывать*, *приказывать*, для достижения большего манипулятивного эффекта используется имплицитная форма воздействия без прямого побуждения адресата.

Более того, лозунг *Миру – мир!* построен на омонимах, что формально скрепляет его, а прагмасемантически делает его восприятие затрудненным, способствуя вовлечению адресата в процесс интерпретации, и хорошо запоминающимся. При этом если *миру – мир* – это омонимы, то *война – войне* – это повтор одного слова в разных падежах. Однако их контекстуальное сближение позволяет интерпретировать и первое сочетание *миру – мир*

не столько как омонимы, сколько как одно слово. Хотя с точки зрения лексической семантики можно говорить о возможном уподоблении, однако синтаксически эти сочетания нарушают ожидаемый параллелизм, поскольку выражаются в форме двух эллиптических конструкций, где дательный с семантикой реципиента-бенефактива (получателя пользы) стоит в начальной (*миру*) и в конечной (*войне*) позиции, что приводит к деавтоматизации восприятия. В целом можно сделать вывод, что такая экспликация антонимической оппозиции *мир – война* обладает более сильным эмоционально-экспрессивным воздействием, чем употребление отдельного компонента, которое стало устойчивым сочетанием в советском политическом дискурсе.

Дальнейшее изменение прагматического функционирования и понижение иллюкутивного эффекта связано с клишированием единицы, которая становится частью советского политического дискурса и утрачивает заложенное в авангардном поэтическом высказывании активное воздействие на адресата. Отметим, что влияние Маяковского на формирование «революционной фразеологии» в 1920-е гг. выявил Г. О. Винокур, утверждавший: «...что поэты могут во многом помочь данной области языкового строительства – сомневаться не приходится. Достаточно для этого просмотреть хотя бы агитки Маяковского или стихи его, печатавшиеся в “Искусстве Коммуны”» [Винокур, 1923, с. 116].

Встраивание лозунга *миру – мир* в советский политический дискурс проявляется в разных контекстах употребления единицы – от советских газет и плакатов до мозаики и стел. Выдвинутый В. Лениным План монументальной пропаганды привел к формированию советского «языкового ландшафта», основной функцией которого была идеологическая. К объектам-выразителям пропагандистской функции относятся стелы с советской символикой и запечатленными лозунгами. В частности, лозунг *Миру – мир* часто размещался в пустынных пространствах, среди полей и равнин, выражая отсутствие коммуникации с адресатом (как на рис. 1). Такая коммуникативная схема описана А. Юрчаком [2014], отмечавшим, что советский субъект предстает как лишенный голоса и собственно субъектности.

Идеологическую стратегию подавления субъекта можно проследить на примере подобных стел, в которых масштабность размера контрастирует с отсутствием адресата и которые обращены в пустоту, само сообщение также утрачивает не только прагматическую функцию, но и лексический смысл.

Рис. 1. Советская стела *Мир – мир!* (республика Коми)
Fig. 1. Soviet stele *Peace to the World!* (Komi Republic)

Советский мир: семантика и прагматика

Исторически конструкция «относительное прилагательное (образованное от названия страны) + мир» связана с идеей колонизации новых территорий. Первое употребление такого сочетания – *Pax Romana* – отсылает к Римской империи. Оно было засвидетельствовано у Сенеки (“*De Providentia*” IV, 64 г. н. э.) и впоследствии стало обычным для обозначения римского господства над миром, понимаемого как гарантия всеобщего мира и согласия. По этой же модели образованы варианты: *Pax Britannica*, *Pax Hispanica*, *Pax Mongolica*, *Pax Ottomana*, *Pax Sovietica* и др.

Ю. С. Степанов прослеживает семантический сдвиг в слове *мир* (*pax*), сформулированный в клятве мира, которую покоренные народы приносили по отношению к Риму, что стало обозначением и самой империи – *Pax romana*, т. е. произошло следующее концептуальное развитие: «“римский мирный договор” => “римский мир” [в территориальном смысле]». Тогда же в латыни происходит сближение понятий *pax* ‘покой’ и *mundus* ‘вселенная’ [Степанов, 2004, с. 88].

Таким же образом идея *советского мира* охватила оба значения, разрабатывая идеологию и практики внутренней колонизации⁴. Это сочетание

⁴ Подробнее о «внутренней колонизации» см. [Эткинд и др., 2012].

входит в идеологический канон в 1960-е гг., в послевоенный период – время формирования новых социальных связей, распространения идей солидарности и сплоченности. Исследователь советской повседневности антрополог О. В. Шабурова пишет: «Мир – самое частое слово во всей изобразительной продукции 1950–60-х годов. Это слово – заклинание, это слово – молитва, это слово – позывной» [2021, с. 174].

А. Д. Шмелев [2003] выделяет два основных семантических фокуса *мира* в советском идеологическом языке: 1) миролюбие vs примиренчество и 2) построение нового мира. Опираясь на выделенные семантические аспекты, рассмотрим подробнее способы их реализации в советском политическом дискурсе, учитывая, что в целом для него было характерно внутреннее противоречие, выразившееся в идеологической, коммуникативной и семантической «двусмысленности» и «двойственности» [Серио, 1999, с. 381].

Прежде всего рассмотрим идею *борьбы за мир*, в основе которой лежит смысловая двойственность. Исторически эта концепция формируется в 1950-е гг. в контексте холодной войны и гонки вооружений, когда начинается «идеологическая битва за важный символический ресурс – образ мира и его защитников» [Шабурова, 2021, с. 155]. В советской агитации вокруг него формируется соответствующий иконографический ряд, например фотомонтаж с Лениным как борцом за мировую революцию, стоящим под флагом: *Мир народам!* (рис. 2), или Брежневым, где в слове *мир* актуализируются оба значения.

Другие символы мира представлены в виде голубя мира Пикассо, матери, вышивающей флаг, советской семьи, детей и молодежи разных стран, выступающих единым фронтом (рис. 3, 4).

Генетически сама эта идея – борьба за мир – восходит к Французской революции, в частности к призыву французского революционера, члена Конвента (национального собрания) П.-Ж. Камбона, который прозвучал в докладе 1792 г.: *Guerre aux châteaux, paix aux chaumières!* ‘Мир – хижинам, война – дворцам!’ Затем Г. Бюхнер поставил эпитафией к своему знаменитому воззванию “*Der Hessische Landbote*“ (1835), обращенному к гессенским крестьянам: *Friede den Hütten, Krieg den Palästen*. В дальнейшем эта фраза стала лозунгом революционеров разных времен и получила развитие в марксистской концепции классовой борьбы, согласно которой именно борьба между классами является двигателем развития

человеческого общества, поскольку она неизбежно приведет к социальной революции и переходу к новому общественному строю⁵.

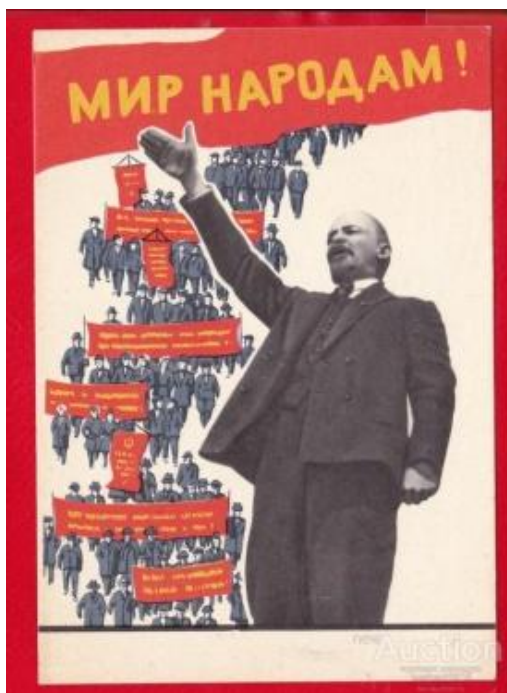

Рис. 2. Мир народам! (1966)
Fig. 2. Peace to the peoples! (1966)

⁵ О популярности понятия борьбы в XIX – начале XX в. говорят такие названия книг, как «Борьба за логос. Опыт философии и критические» В. Ф. Эрн (1907–1910) и др.

Рис. 3. Да здравствует мир! (1955)
Fig. 3. Hail to peace! (1955)

Рис. 4. Мир. Paix. Peace (1963)
Fig. 4. Peace. Paix. Peace (1963)

Идея борьбы за мир в советском пространстве выражалась различными способами. Такие высказывания, как *Мы за мир!* содержат имплицитное противопоставление «своих» и «чужих»: тех, кто входит в инклюзивное *мы* и борется за мир, – всем остальным, кто выступает «против мира». Идея «своих» выражается также с помощью наречия совместного действия *вместе*: *Каждый, кто честен, встань с нами вместе! МИР!* или посредством употребления личного местоимения с модальным предикативом деонтической необходимости: *Нам нужен мир!*, в том числе на английском языке *We need peace!* В этой же функции выступает слово *воля*, означающее сознательное стремление к осуществлению цели: *Мир – воля миллионов*⁶.

Хотя идея борьбы за мир включает в себя наличие другого члена оппозиции – «борьба за что-либо и против чего-либо» (в данном контексте «борьба за мир и против войны»), в советских лозунгах этого периода слово *война* встречается гораздо реже, регулярно включаясь в конструкции с отрицанием. Например, в конструкции с предикативом деонтической необходимости *надо* с отрицанием: *Не надо войны!*; с отрицательной частицей *нет* на разных языках *no, nein, non*; с независимым инфинитивом с отрицанием, который формирует значение недопустимости: *Не воевать! А торговать!*, или с помощью противопоставления: *Земля для плуга, а не для ракет!* (рис. 5, 6).

Часто само слово *война* не употребляется в лозунгах, заменяясь визуальным рядом, что связано с осознанием идеи войны как опыта травмы в фоновом знании адресата (рис. 7, 8).

Другая идея, которая лежала в основе понятия *советского мира*, – это построение нового мира. Если в рассмотренных выше авангардистских текстах отмечалась полисемия, приводящая к множественности интерпретаций высказывания, то в советских лозунгах эта полисемия сменяется двусмысленностью, которую можно выявить в слове *мир*. Например, цитаты из Программы КПСС, в которых формулируется метафора здания (географический и социальный мир): *Величественное здание нового мира, возводимое героическим трудом свободных народов на огромных пространствах Европы и Азии, – прообраз нового общества, будущего всего человечества. Братство, дружба, мир, равенство, свобода, труд* (плакат,

⁶ Ср. со стихотворением А. Суркова: *Пусть звериной злобой ослепленный / Старый мир грозит моей стране. / Волей к миру многомиллионной / Мы отрезем все пути войне* (1951).

1969), или метафора книги (мирный договор и общемировое дело): *Моральный кодекс строителя коммунизма... Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов* (плакат, 1962).

Рис. 5. Не надо войны (1969)
Fig. 5. No need for war (1969)

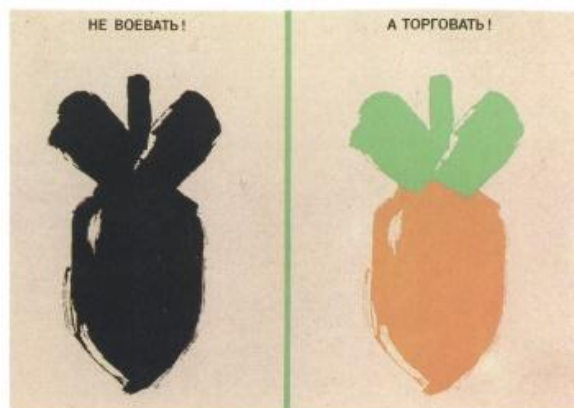

Рис. 6. Не воевать! А торговать! (1960-е)
Fig. 6. Don't fight! Do trade! (1960s)

Рис. 7. Росток (1960-е)
Fig. 7. Sprout (1960s)

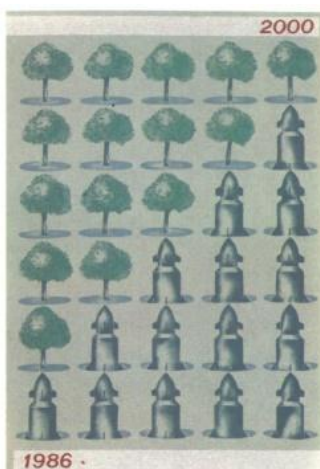

Рис. 8. 1986–2000 (1986)
Fig. 8. 1986–2000 (1986)

Идея мировой революции, соединившись с понятием *мира*, трансформировалась в два основных значения, связанных с пространством и временем: планетарной топологии мира и мира в будущем. К первой группе относятся, в частности, формулы с устойчивым сочетанием *да здравствует*: *Да здравствует Советский Союз – оплот мира и безопасности народов!*; *Да здравствует мир между народами!* Ко второй группе относятся, например, лозунги с глаголами будущего времени и частицей волеизъявления *пусть*: *Пусть спутником жизни всегда и везде будет мир на земле!*; с неглагольными формами со значением побуждения в составе восклицательных высказываний: *Вперед к коммунизму! Мир. Труд.* Среди других характерных приемов можно назвать нанизывание слов в именительном падеже типа *Мир, труд, май; Труд, свобода, равенство, братство, счастье, мир; Слава великому Октябрю! Всем! Всем! Всем! Мир народам! Вся власть Советам!* и надпись *мир* на разных языках.

Схожие лозунги в других языках

Хотя в целом образ защитника мира как борца с войной был характерен и для левых, и для правых партий в других странах, всё-таки более широко он представлен в иконографии коммунистического дискурса. В разных европейских языках были распространены устойчивые сочетания типа *миру – мир*: *Per essi un mondo di pace! Scuole, asili, colonie, assistenza, una vita gioiosa ai figli del popolo*; битва за мир: *lotta per la pace*; *Il movimento per la pace nella lotta contro la catastrofe nucleare e per il disarmo* и другие формы концептуализации, включая противопоставление военных и мирных пактов: *Congresso mondiale dei partigiani della pace. Parigi aprile 1949... i patti di guerra non impegnano i popoli. Al congresso di Parigi i popoli stringeranno il loro patto di pace*, или противопоставление правления разжигателей войны и мирного правительства: *Vota contro il governo d. c. che è in linea con i guerrafondai, vota per un governo di pace. VOTA COMUNISTA.* И, напротив, сравнение коммунизма с насилием и войной: *Ecco le armi dei Partigiani della pace Votate D.C. comunista punta idealmente il fucile contro civili inermi.*

Таким образом, развивая мысль Н. Д. Арутюновой о дискретности концептов и континуальности мира, можно сделать вывод, что одним из таких дискретных концептов является *МИР*, что лежит в основе его особой значимости и для языка, и для разных дискурсов. Анализ понятия *мир* позволил выявить его важность как для поэтического авангарда, так

и для советской агитации, а также проследить дискурсивную динамику его употребления. В отличие от авангардной поэзии 1910–1920-х гг., ориентированной на языковой эксперимент, синкретичную полисемию и деавтоматизацию восприятия адресата, основными чертами советского идеологического языка являются двусмысленность, двойственность и стереотипность высказываний. Соответственно, на примере анализа *мира* можно говорить о варьировании как его лексической наполняемости, так и прагматического функционирования, когда происходит смысловое сужение (от актуализации полисемии до двусмысленности), а также понижение иллюкативной силы и перформативного воздействия.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
- Винокур Г. О.* Революционная фразеология // Леф. 1923. № 2. С. 104–118.
- Дуганов Р. В.* Велимир Хлебников. Природа творчества. М.: Сов. писатель, 1990. 348 с.
- Душенко К. В.* Цитаты из русской истории. От призвания варягов до наших дней. М.: Эксмо, 2005. 623 с.
- Крученых А.* Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера. СПб.: Академический проект, 2001. 477 с.
- Перцова Н. Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Вена; Москва: Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 40, 1995. 560 с.
- Радбиль Т. Б.* Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: ЯСК, 2017. 591 с.
- Серио П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса, анализ номинализаций // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 337–383.
- Сёрль Дж., Вандервекен Д.* Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. С. 242–263.
- Соколова О. В.* Война и язык в итальянском футуризме, русском кубофутуризме и британском вортицизме (когнитивно-дискурсивный подход) // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 229–248.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 989 с.

Хлебников В. В. Собрание сочинений: В 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2000. Т. 1: Литературная автобиография; Стихотворения, 1904–1916. 542 с.; 2004. Т. 5: Стихотворения в прозе, рассказы, повести, очерки, сверхповести. 1904–1922. 464 с.

Шабурова О. В. Советский мир в открытке. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 327 с.

Шишкин А. Б. «Велимир»: об имени Хлебникова // *Europa orientalis*. 1996. XV. URL: https://ka2.ru/nauka/chichkine_2.html#r48 (дата обращения 01.01.2023)

Шмелев А. Д. В поисках мира и лада // Логический анализ языка. Космос и хаос. М., 2003. С. 54–72.

Эренбург И. Всемирный конгресс сторонников мира. Выступление Ильи Эренбурга // *Правда*. 1949. № 115. С. 4.

Этkind А. М., Уффельманн Д., Кукулин И. В. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: НЛЮ, 2012. С. 6–50.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М.: НЛЮ, 2014. 661 с.

References

Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, 1999, 895 p. (in Russ.)

Duganov R. V. *Velimir Khlebnikov. Priroda tvorchestva* [Velimir Khlebnikov. The nature of creativity]. Moscow, 1990, 348 p. (in Russ.)

Dushenko K.V. *Tsitaty iz russkoy istorii. Ot prizvaniya varyagov do nashikh dney* [Quotes from Russian history. From calling the Varangians to the present day]. Moscow, 2005, 623 p. (in Russ.)

Erenburg I. *Vsemirnyy kongress storonnikov mira. Vystuplenie Il'i Erenburga* [World Congress of Peace Supporters. Speech by Ilya Ehrenburg]. *Pravda*, 1949, no. 115, p. 4. (in Russ.)

Etkind A. M., Uffelman D., Kukulin I. V. *Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii: mezhdru praktikoy i voobrazheniem* [Internal colonization of Russia: between practice and imagination]. In: *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, inside. Practices of internal colonization in the cultural history of Russia]. Moscow, 2012, pp. 6–50. (in Russ.)

Khlebnikov V. V. *Collected Works*. In 6 vols. Moscow, 2000, vol. 1, 542 p.; 2004, vol. 5, 464 p. (in Russ.)

- Kruchenykh A. Stikhotvoreniya. Poemy. Romany. Opera [Poems. Poems. Novels. Opera]. St. Petersburg, Academic project, 2001, 477 p. (in Russ.)
- Pertsova N. N. Slovar' neologizmov Velimira Khlebnikova [Dictionary of neologisms by Velimir Khlebnikov]. Wien, Moscow, 1995, 560 p. (in Russ.)
- Radbil T. B. Yazyk i mir: Paradoksy vzaimootrazheniya [Language and World: Paradoxes of Mutual Reflection]. Moscow, 2017, 591 p. (in Russ.)
- Searl J., Vanderveken D. Osnovnye ponyatiya ischisleniya rechevykh aktov [Basic concepts of the calculus of speech acts]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1986, iss. 18: Logical analysis of natural language, pp. 242–263. (in Russ.)
- Serio P. Russkiy yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa, analiz nominalizatsiy [Russian language and analysis of Soviet political discourse, analysis of nominalizations]. In: *Kvadratura smysla* [Quadrature of meaning]. Moscow, 1999, pp. 337–383. (in Russ.)
- Shaburova O. V. Sovetskiy mir v otkrytke [Soviet world in a postcard]. Moscow, Ekaterinburg, 2021, 327 p. (in Russ.)
- Shishkin A.B. “Velimir”: ob imeni Khlebnikova [“Velimir”: about the name of Khlebnikov]. *Europa orientalis*, 1996, vol. 15. URL: https://ka2.ru/nauka/chichkine_2.html#r48 (accessed 01.01.2023)
- Shmelev A. D. V poiskakh mira i lada [In search of peace and harmony]. In: *Logicheskiy analiz yazyka. Kosmos i khaos* [Logical analysis of language. Space and chaos]. Moscow, 2003, pp. 54–72. (in Russ.)
- Sokolova O. V. Voyna i yazyk v ital'yanskom futurizme, russkom kubo-futurizme i britanskom vortitsizme (kognitivno-diskursivnyy podkhod) [War and Language in Italian Futurism, Russian Cubo-Futurism and British Vorticism (Cognitive-Discursive Approach)]. *Critique and Semiotics*, 2019, no. 2, pp. 229–248. (in Russ.)
- Stepanov Yu. S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, 2004, 989 p. (in Russ.)
- Vinokur G. O. Revolyutsionnaya frazeologiya [Revolutionary Phraseology]. *Lef*, 1923, no. 2, pp. 104–118. (in Russ.)
- Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos' [It was forever until it ended]. Moscow, 2014, 661 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Викторовна Соколова, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Information about the Author

Olga V. Sokolova, Doctor of Sciences (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 10.03.2023
The article was submitted on 01.02.2023;
approved after reviewing on 10.03.2023; accepted for publication on 10.03.2023*